

Для театрального Павлодара имя Александра Дубинина – синоним таланта. Уже десятый год бывший актер «чеховки» живет в Архангельске, служит в областном театре драмы, но самобытного артиста, горевшего идеями и постоянно удивлявшего, здесь вспоминают до сих пор. Его недавний визит в родной город напомнил полет яркой кометы – тут же возникли творческие встречи, квартирники, песни под гитару. Для читателей «Городской недели» накануне своего дня рождения, 23 февраля, Александр дал эксклюзивное интервью: рассказал о своем творческом пути сегодня и поделился теплыми воспоминаниями.

Александр Дубинин:

ДЫШУ ТЕАТРОМ

- Саша, по странному совпадению к 23 февраля я всегда выхожу на совершенно неординарных людей, связанных с военным делом. Только ты, похоже, подошел лишь датой...

– Не только. Я и на 50-летие Советской армии родился. К тому же я из рода донских казаков, а это вечные воины, защитники наших рубежей. И я честно и сознательно отслужил в армии: меня признавали негодным к строевой, но я настоял – если уж идти в армию, то солдатом. Так что и наше интервью – не такая уж случайность.

– Да и в театре ты тоже служишь.

– Да, процесс создания спектакля очень увлекателен, но я осознаю, что у меня недостаточно компетенции. В принципе режиссерское мышление есть, но я слишком люблю сам играть на сцене и в другую профессию не уйду.

– Похоже, что с переездом у тебя значительно расширилась и театральная география.

– Это только за счет того, что в последнее время театр стал ездить. Какое-то время тоже не было поездок ни на фестивали, ни на гастроли куда-то далеко. А потом это движение началось, и мы съездили уже в Москву, Иркутск, Кострому и так далее.

– Ты как-то писал, что поступил в Ярославский театральный институт.

нужно дополнительно напрягаться. За счет этого я себя разуверил в том, что я уже все, мертвый человек. Еще живой! Нет предела совершенству, надо всегда учиться, и, пока это осознаешь, все в порядке.

– А с кем из известных, кроме Садура, довелось познакомиться?

– С режиссером Романом Виктюком – он ставил в архангельском театре спектакль. Это великий человек, и он знает какие-то непостижимые для меня вещи. Например, как актер должен звучать. Костя Райкин говорит: «Я теперь могу обучать сценической речи, потому что меня в свое время научил Роман Виктюк». У него свое видение, не книжное, в учебниках этого нет. Вместе с Виктюком

«тивность» их менеджмента в том, чтобы ставить бюджетные спектакли, с минимальными затратами на постановку.

– Оптимизация ресурсов?

– Да. Скажем, весь «Эдип» у нас по декорациям – это просто мотки бумаги. То есть тот самый случай, когда коврик и актер, и ты должен извернуться, чтобы быть интересным.

– А как относятся зрители к таким минималистским декорациям?

– Они воспринимают это как художественный ход, но постоянно на одном коврике же не будешь играть.

– А я считала, что ты большой любитель авангардных постановок.

– Я актер все-

После театра Чехова я уже не считаю какие-то места работы либо режиссеров недостижимыми.

Когда меня приняли в штат «чеховки», это было этапное событие: я наконец-то мог выйти на эту сцену и отдать городу то, что я получил от него. Собственно от этого чувства благодарности городу и Малая сцена родилась. Тогда я пришел в театр Чехова и увидел, что сцена кинотеатра «Пионер», который нам отдали, почти не используется. Там только проводят редкие собрания и гражданские панихиды. И пришел к главрежу Евгению Чудинову с идеей – сделать спектакль в определенном формате для Малой сцены.

Он взял меня и еще одного актера и сделал с нами Хармса. С такой заявкой мы подошли к директору, и Аввакумов сказал: «Это хорошо, но мало». Мы тогда головы сломали и придумали поставить вторым актом «Урок» Ионеску, где мужчины будут играть женские роли, а мужскую сыграет женщина. Таким образом ОБЭРИУта Хармса, имеющего непосредственное отношение к театру абсурда, соединили с классиком театра абсурда. Так появился спектакль «Ассамбляж», которым и открылась когда-то Малая сцена.

– Ты часто приводишь в пример людей, с которыми работал в Павлодаре. Не жалеешь, что уехал?

– У меня жизненное кредо такое – никогда ни о чем не жалеть. Отслужив в армии, где получал музыкальной информации больше, чем на гражданке, я твердо решил связать свою жизнь с Россией. И когда у старшей дочери приблизился возраст первой любви, я понял, что уезжать надо сейчас – нельзя же по живому резать! Поэтому, как бы я ни уважал Виктора Валентиновича, который отсрочил как мог мой отъезд, дай бог всем такого директора, я все равно переехал.

– Что стало причиной твоего нынешнего приезда в Павлодар?

– Моя младшая сестра, Марина Дубинина, известная здесь и по салону «Аристос», и по журналу «Color&Beauty», уезжает в Россию. Был сбор родственников, мы прощались с отчим домом, в последний раз были здесь вместе.

– Грустная история, напоминает «Вишневый сад».

– Кстати, когда Меркулов ставил в театре Чехова «Вишневый сад», его замыслом была именно тема исхода

ядный. Не чураться ни современной драматургии, ни авангардных постановок, театр абсурда поедается мною, как лакомство. Но классика – это проверенное временем качественное произведение, и в ней всегда очень интересно работать с хорошим режиссером, потому что там он вытаскивает такую глубину, что меня это поражает.

– И все же, когда упоминают твою фамилию, первой на память приходит балетная пачка, в которой ты играл роль Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании» на сцене театра Чехова.

– И это не абсурд, а достаточно классическая вещь. В финальной сцене Порфирий Петрович объясняет

– Да и в театре ты тоже служишь...

– И это наиболее приятный глагол, чтобы охарактеризовать ту деятельность, которой мы занимаемся. В театре без дисциплины – никуда: дело это зачастую травмоопасное, и нечеткое выполнение каких-то функций может привести к беде. У нас же был случай, когда оторвалась железная крыша и пробила Александру Репину голову. Мы играли утренний спектакль, и я, услышав свист и почувствовав колебание воздуха, успел отреагировать, а его рубануло. Пришлось срочно опускать занавес, закрывать ему голову, вызывать «скорую». И Репин играл уже в вечернем спектакле, хотя мог бы отказаться. Этот пример настоящего героизма до сих пор стоит у меня перед глазами.

– По твоим страничкам в соцсетях знаю, что помимо архангельского театра в твоей жизни еще есть театральная студия «Игроки». Что это за проект?

– В Архангельске есть Северная театральная школа Поморья, где с подростками актеры нашего театра занимаются и ставят спектакли. Я тоже поставил спектакль, и после единственного показа мои ребята подошли ко мне с просьбой воссоздать нашу постановку, чтобы исправить ошибки на премьере. Народу, правда, к тому времени осталось меньше, и мы поставили другую пьесу. С этого и началась студия «Игроки». С тех пор мы сделали реконструкцию спектаклей «Ехай» и «Прикосновение», которые были поставлены в Павлодаре на Малой сцене, и новые спектакли «Букет» и «Варшавская мелодия». А сейчас работаем над проектом «Соль», это пьеса Екатерины Садур, дочери известного драматурга Нины Садур. Когда мы возили с театром в Москву «Эдипа», на «Ночь музеев» у Кати была открытая репетиция ее пьесы «Острова блаженных». Мы с сыном туда попали и познакомились с дочерью и матерью, Ниной Николаевной. С тех пор общаемся. Сейчас вышел фильм про Нину Садур, в который вошел наш ролик – мы сделали такой видеотрейлер к «Ехай». Такими трейлерами мы придумали анонсировать спектакли своей студии, чтобы народ заинтересовать.

– Смотрю, режиссура затянула?

Ярославский театральный институт. Уже доучился?

– Госэкзамены только осталось сдать. И будет у меня наконец-то высшее театральное образование.

– Но ты же окончил студию при Смоленском камерном театре.

– Да, в театр я пришел в Смоленске, где остался после армии. Там был набор в студию, я пришел и говорю: «Я электрик, но очень люблю театр и хочу работать актером». Мне отвечают:

«Это как-то не сообразуется вообще – электрик и театр». – «Просто я получил земную профессию, а так собираюсь поступать в театральный». Почитал, пошел, со мной сделали несколько эпизодов. И взялся. Я там работал и параллельно занимался в студии.

Еще раньше в смоленской школе меня «трудоустроили» пионервожатым, но на самом деле мне предложили там вести театральный кружок. Потому что знали, чем я дышу. Была группа подростков, которые хотели заниматься чем-то творческим, и они выбрали создать рок-группу и играть спектакли. Мы только начали что-то делать – я для них даже воровал музыкальные инструменты из закрытой подсобки... А они у меня своровали ножик кнопочный из стола. Я каждый день писал заявления об уходе. В общем, было весело с этими пионерами (смеется).

Любовь к театру началась у меня с детства. Школьник я записывался во все кружки и секции, искал себя везде: вязание, бокс, выжигание, чеканка, фотодело... Но потом на урок пришел Петр Трофимович Басов и пригласил детей в кукольный кружок. И я восемь лет прозанимался у него. Потому что у меня внутри наконец-то что-то екнуло – я нашел себя.

– Почему именно сейчас ты решил получить высшее образование? Ты же уже готовый профессионал.

– Это вот такая попытка бороться с кризисом среднего возраста. Студенчество – такое безбашенное состояние, когда все делается за последнюю ночь и

«Ты должен извернуться, чтобы быть интересным»

(За роль Эдипа в спектакле «Царь Эдип. Прозрение» Дубинин был признан лучшим актером сезона в театре Архангельска)

к нам в театр приезжал Юрий Горин, который давно работает с Романом Григорьевичем, у нас он поставил «Папу в паутине». Все люди, которые сотрудничают с архангельским театром, – это довольно известные личности. Тот же Владимир Коренев, знакомый всем «Человек-амфибия». И большинство из них приезжали для постановок к нам неоднократно.

Роберт Стура, российско-грузинский режиссер, собирался у нас поставить «Ревизора». Но тут нас просто подрезали в полете. По непонятным причинам уволили главного режиссера, со спектаклями которого мы побеждали на фестивалях. Начались забастовки, голодовки, смена директоров...

Дело в том, что губернаторы области не понимают важности театра и не любят театр, как в Павлодаре, и постоянно ставят нам сверху «эффективных менеджеров», далеких от понимания специфики работы именно театрального администратора. Эти директора пытались использовать театр как прокатную площадку, для пополнения кармана. Сейчас мы снова в подвешенном состоянии – прежних-то, пришедших, директоров мы «съели», а нынешняя, самая упорная, решила уйти по семейным обстоятельствам.

До сих пор отрывка прежних руководителей с их заключением договоров аренды сцены приезжими гастролерами не дает нам полноценного доступа к сцене. Уже начало складываться впечатление, что театр хотят убить, оставив только номинальный состав труппы. «Эффек-

не Порфирий Петрович объясняет свое поведение: это измывательство над мозгом подозреваемого. То есть он ему просто «сносил крышу». Раскольников и так себя не очень хорошо чувствовал в уголовке, а тут еще такая яркая индивидуальность с ним сражается. Мне было очень непросто принять это, но ставил Игорь Меркулов, а это один из любимейших режиссеров, с которым мне и сейчас хотелось бы поработать. Его спектакли – это всегда событие для города, которое долго обсуждают. А театр абсурда вырос из экзистенциализма, в котором и будущего нет, и настоящее бессмысленно. В таких постановках я участвовал неоднократно в Павлодаре, Смоленске...

– А в архангельском театре?

– Там определенный зритель, люди живут по-северному размеренно, если им абсурд скинуть, они не будут успевать это читать.

– У тебя так много параллельных проектов и ролей! Как ты готовишься к ним и не путаешься?

– По технике Михаила Чехова я просто ложусь подремать и выбираю, о какой роли я сейчас буду думать.

Скажу по секрету об еще одном проекте. В Архангельске открывается творческий центр имени Льва Дурова, где в том числе зарождается новый театр. Судя по задействованным московским связям покойного Льва Дурова и заинтересованности профессиональных администраторов, перспектива у этого начинания хорошая. Мы уже репетируем, и премьера, возможно, состоится уже в марте.

– 20 лет актерской деятельности ты отпраздновал уже в Архангельске бенефисом, дважды тебя выбирали лучшим актером года. Впрочем, в Павлодаре подобных званий и достижений было не меньше.

– Я до сих пор считаю работу в павлодарском театре самой заветной осуществившейся мечтой. В детстве я молился на этот театр, и он казался недостижимым, пределом мечтаний.

замыслом была именно тема исхода русских из Казахстана. Эта параллель там присутствует.

– А как тебе показался город сейчас?

– Я не увидел, что люди как-то прибиты жизнью. Порадовало, что никаких изменений в репертуарной политике не произошло. Дай бог, чтобы театр Чехова процветал, потому что для меня очевидна его важность.

– Что ты себе пожелаешь как человеку и как актеру на свой день рождения?

– Я бы пожелал себе построить дом на берегу реки и здоровья, чтобы это осуществить. А как актер я никогда не строил планов, что мне доверяют, то я и стараюсь реализовать. Я пластичен, я материал для лепки и вижу свою роль в том, чтобы помочь воплотить режиссерский замысел. Так что стараюсь быть опустошенным, полым изнутри или, как красиво сказал один знаменитый человек, вакантным, пустым. И эта пустота готова для того, чтобы ее осеменяли замыслом (смеется).

**Беседовала
Юлия МАКСИМОВА**

Порфирий Петрович «сносит крышу» Раскольникову (Нашумевший спектакль «Преступление и наказание» в театре им. Чехова)

